

шисты держат почти 600 советских пленных. Но и их, мальчишек, везли туда же! Месть за подрыв склада обмундирования.

За несколько сот метров до школы Иван услышал выстрелы. Увидел пламя: фашисты подожгли школу с четырех сторон. Все мгновенно разладилось: те, кто вез мальчишек, стали палить в темноту из автоматов. Иван выскочил из саней первым. Закричал ребятам: «Бежим!»

Рассеялись по скошенному полю. Никого не отловили. Но всех, кто был в школе, сожгли заживо.

ПЕРВАЯ ПАХОТА ПОСЛЕ ВОЙНЫ БЫЛА СТРАШНОЙ. ЛУКЬЯНОВ ВЕЛ СВОЙ ТРАКТОР, А ВПЕРЕДИ ШЛА ЕГО МАТЬ И ДРУГИЕ ЖЕНЩИНЫ. ОНИ НАГИБАЛИСЬ И ПОДНИМАЛИ С ЗЕМЛИ ПОГИБШИХ СОЛДАТ

Об этом преступлении в районе помнят все— все старые, кто был когда-то молодым, и молодые, ставшие старыми.

Трое суток Ваня Шеенко сидел в силосной яме. Трое суток он был комком боли. По силе, равной той силе, но уже в далеком будущем, станет для взрослого Ивана Шеенко только смерть сына. Хотя ни то, ни другое меры не знает.

Со временем Иван Филиппович Шеенко станет руководителем района. Тяжелейшие годы. Надрывали испытания. Он был одним из тех, на кого опиралась послевоенная страна. Откровения Шеенко:

— Выйду иногда ночью на порог. Смотрю на огоньки в домах, звезды на небе, где-то ребенок кричит «ма-а-а-ма», собака залает... Стою... Что-нибудь из прошлого пригрезится... Ну, да ладно, Геннадий...

— Что, ладно, Иван Филиппович?

— Да, ладно, — как бы извиняясь, повторяет он сдавленным голосом, — ладно...

